

История

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС АДЫГСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЭПОХУ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

БЕЗРУКОВА А.А.

В статье анализируется социальное положение адыгской женщины в эпоху социалистических преобразований, изменение традиционного уклада жизни северокавказского социума в годы советской модернизации, позитивные и негативные результаты большевистской политики «раскрепощения горянок».

Ключевые слова: социальный статус, традиционная культура, модернизация, гендерный порядок.

УДК 93

В 1920-е гг. в противоречивых условиях российской действительности закладывались основы, приведшие к началу «цивилизационного» прорыва в решении женского вопроса. Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г., законодательно закрепила равенство политических и гражданских прав мужчин и женщин.

Впервые женский вопрос был рассмотрен на I съезде горцев Кубано-Черноморской области, состоявшемся 11 августа 1920 г. [1]. Вопросу вовлечения адыгеек в общественную жизнь уделил внимание состоявшийся 16 ноября 1920 г. I съезд горцев Майкопского отдела [1]. II съезд, состоявшийся 2–8 марта 1921 года в г. Краснодаре принял резолюцию, в которой осуждалось насильственное похищение горянок: «рассмотрение похищения девиц как акт самой серьезной контрреволюции... требует широкого гласного судебного преследования виновных и присуждения их к высшей мере наказания» [1].

С традициями новая власть боролась решительно, всеми доступными средствами. В этот период газета «Жизнь национальностей» (от 26 апреля 1922 г.) писала, что сила традиций в восточных регионах страны превращает законы о женском равноправии в мертвую букву, женщинам предстоит бороться за их претворение в жизнь.

В работе с разными социальными слоями женщин использовались самые разнообразные формы, но их характер, подход в значительной степени зависел от условий и традиций региона. Так, распространенной формой работы среди крестьянок почти во всех регионах России были «дома крестьянок», «красные уголки», в областных автономиях Северного Кавказа фигурируют такие формы работы, как «женские клубы», в районах Крайнего Севера – «красные чумы», в Казахстане – «красные юрты», «красные кибитки», передвижные выставки и многое другое. В Дагестане, Северной Осетии, Кабарде о новой власти и политике партии многие женщины узнавали от активисток, которые встречали их у родников, где бралась питьевая вода. Не случайно Н.К. Крупская в этот период писала: «Весь организационный аппарат по работе среди женщин тщательно продуман и налажен как нельзя лучше» [2]. Это говорит о том, что процесс работы среди женщин был сложным и требовал значительных усилий.

Таким образом, властвующие структуры (государственные, партийные органы) сумели выработать определенную стратегию по изменению гендерного статуса женщин. Суть ее состояла в том, чтобы привлечь женщин к активному участию в общественно-политических процессах, происходящих в обществе, убедить в правильности проводимого советским государством курса, заручиться их поддержкой, и в конечном итоге – сделать активными участницами строительства нового общества.

В 20-е годы была создана система специальных учреждений, занимающихся решением так называемого женского вопроса. Сюда входили женотделы с институтами делегатских собраний при парткомах Советов; женские комиссии и женпрофорганизаторы в профсоюзах; секторы по работе среди женской молодежи при ЦК РКСМ. Соответствующие меры принимались и в Адыгее. В июле 1922 г. была образована Адыгейско-Черкесская автономная область (АЧАО) и уже в октябре при оргбюро РКП(б) при АЧАО был создан областной отдел по работе среди женщин (облженотдел) [1]. В ноябре 1922 г. состоялся

I съезд адыгских женщин в ауле Габукай. Он указал на необходимость осуществления серьезных мер по раскрепощению горянок. Съезд признал необходимым проводить систематическое просвещение женщин. В 1926 г. в Адыгее было создано 127 ликпунктов [1].

В дореволюционной России грамотность населения была низкой, более 83 % женщин были неграмотными [3]. Можно с уверенностью предполагать, что в национальных окраинах России картина была еще более удручающей. Однако нельзя не отметить, что распространение знаний среди женщин преследовало также и определенные политические задачи. Не случайно учебные пособия в самой доходчивой форме были проникнуты разъяснением политики государства, задач социалистических преобразований в стране.

Адыгской женщине, занимавшей свое строго регламентированное место в обществе, в силу обычаев и традиций доступ к образованию и культуре, разумеется, был затруднен. «В этих условиях требовалась чрезвычайная осторожность и тактичность для того, чтобы, не оскорбляя национальные чувства горцев, не избавившихся еще от таких предрассудков, поставить дело обучения горянки на твердую почву» [4]. Для вовлечения адыгеек в общественные мероприятия предлагалось использовать адыгейские национальные праздники, свадьбы, устраивать открытые судебные заседания.

В Адыгее были организованы дома черкешенок. Первый дом черкешенок был открыт 8 февраля 1925 г. в а. Габукай. «При открытии немало пришлось преодолеть трудностей. Рукоделие не привлекало взрослых черкешенок. Ликвидацию своей неграмотности черкешенки в возрасте 20–25 лет считали неудобной» [5].

Для повышения социального статуса женщин путем вовлечения в общественное производство ее стремились освободить от домашних забот. Важную роль в этом играло строительство детских учреждений. В 1921 г. ЦК РКП(б) предлагал всем губернским комитетам партии провести широкую агитационную кампанию за создание в деревне детских яслей, побуждая местные советские и кооперативные организации оказывать материальную поддержку крестьянам, выразившим желание организовать ясли в своем селе [1]. Это объяснялось тем, что детские учреждения входили в жизнь через ожесточенную борьбу с традиционными взглядами, преодолевая агитацию антисоветских сил. Агитация против детских садов носила зачастую националистический характер. В Ингушетии по этой причине была зверски убита женщина, заведующая яслями [1]. В Карачаево-Черкессии были случаи расправы над участниками и агитаторами в пользу детских учреждений, факты поджога детских садов. «Покушение на приоритет домашнего дошкольного образования подсознательно воспринималось как разрушение основ традиционного уклада жизни, а коллективное воспитание – как угроза обобществления детей...» [6].

Действенной формой борьбы за повышение социального статуса женщин было создание общественного мнения вокруг этого вопроса через выступления в печати, организацию и ведение «страничек женщин» в газетах. Периодическая печать способствовала повышению общественно-политической активности женщин. Партия заботилась о создании для каждого социального слоя читателей своего типа газеты или журнала. Специфические условия работы среди женщин вызывали необходимость издания специальной периодической печати для них.

Первым женским журналом в России являлась «Работница», которая начала выходить 8 марта 1924 г. В 1920 г. вышел первый номер журнала «Коммунистка» – орган ЦК РКП(б). С 1922 г. стал выходить журнал «Крестьянка» [7]. В регионах выходили местные «женские» издания. Большим подспорьем в работе партии среди женщин Северо-Кавказского региона России был ежемесячный журнал «Труженица Северного Кавказа» – орган отдела работниц и крестьянок Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б). Первый номер вышел в марте 1925 г., в нем нашли отражение формы работы среди женщин села: популяризировалась инициатива крестьянок в создании детских садов, яслей и работа детских консультаций; экономические и политические права крестьянок; роль и значение кооперации и т.д. [8].

В 1930 г. женотделы были расформированы, что фактически разоружило женское движение в самый кульминационный период и тем самым затормозило процесс раскрепощения женщин, ослабило работу среди них. Это, естественно, отразилось и на прессе. Закрытие многих журналов, в том числе «Коммунистки», задержало процесс научного осмысления и изучения женского вопроса в целом по стране. Резко сократилось количество материалов периодической печати, в публикациях ослабевал критический объективный подход к теме, а впоследствии усилилась констатация лишь достижений, тем

не менее периодическая печать 20-х годов помогла пробить брешь в глухой стене патриархального отношения к женщине.

Но процесс был сложным. Бывали случаи, когда адыгские женщины организовывали выступления против мероприятий Советской власти [9]. Но в конце 1920-х гг. командно-административная система стала реальностью и вместо гармонии государственности и активности личности получилось почти полное подчинение личности – воле системы. Становление этой системы сопровождалось изменением установок, стереотипов, в конечном счете – изменением психологии массы людей, в том числе женщин. Система не позволяла выражать какое бы то ни было критическое отношение к власти.

В степень всеобщего принципа человеческого общежития был положен принцип коллективизма. Индивидуализм объявлялся буржуазным предрассудком и считался аморальным. Командно-административная система проводила в жизнь идею всеобщего равенства как идею всеобщей одинаковости, абсолютизировала принцип коллективизма, утверждала примат общегосударственного начала над личным. Это вылилось в подавление в человеке личностного начала, индивидуального интереса, составляющего основу развития западноевропейской цивилизации.

Мусором, который революция решила выбросить на помойку истории, наряду с церковью, культурой (тогда ее именовали «буржуазной»), философией, оказалась и семья. А. Коллонтай, ставшая первым наркомом-женщиной советского правительства призвала к уничтожению семьи: «Отныне женщина должна научиться искать опору не в мужчине, а в коллективе, государстве... Семья перестает быть необходимостью как для самих членов семьи, так и для государства» [10]. В обществе был утвержден коллективизм. Мужское начало тем самым было подвергнуто самой опасной дискриминации, и общество победившего женского равноправия оказалось дисгармоничным, перевернутым [11]. Ханаху Р.А. считает, что именно большевизм с его культурной и прочими революциями в период социализма в целом нанесли традиционной культуре Северного Кавказа наибольший урон, вытеснив ее в основном в бытовые сферы [12].

Тем не менее сохранились многие древние обычаи, система запретов, известная в этнографии как обычаи избегания, продолжала существовать, несмотря на идеологическую атаку. Вопреки советскому законодательству, продолжал существовать, хоть и не повсеместно и полуполюгально, обычай платы выкупа за невесту, похищение невесты и т.д. Например, никакая пропаганда «новых советских» свадебных обрядов не вытеснила сложной многоэтапной свадьбы адыгских народов.

Традиционное отношение к женщине несколько изменилось за годы Советской власти, культовое почитание вытеснилось этикетными нормами уважения (почтения). Сама же борьба советской власти за равноправие женщины обернулась для адыгских женщин постепенным взваливанием на их плечи тяжелых работ в поле и на производстве.

Марксистское требование о возвращении женского пола к общественному производству было воспринято у нас буквально и категорично. Приобщение женщин к общественному труду, причем малоквалифицированному, с вредными условиями производства, ночными сменами и т.д., приобрело поистине «поголовный» характер. Ценность женщины как основной производительной силы особо поддерживалась командно-административной системой. Следуя по пути экстенсивного развития экономики, бюрократическое государство усилило социальное давление на женщину, а установлением некоторых льгот фактически откупалось от нее, заставляя трудиться сверх физических и моральных сил.

Фактически и юридически разрушив экономическую и правовую зависимость женщины от власти мужчин (отцов и мужей), советское государство поставило ее в не менее жесткую зависимость от себя самой, произошла трансформация гендерной сферы. При этом превращение женщин с начала 1930-х гг. в «великую армию труда», «в колоссальный резерв трудовых сил», как их называл И.В. Сталин, предоставление им «возможности стоять плечом к плечу со своим мужем, отцом или братом в борьбе за новую жизнь» [13] были объявлены доказательством подлинной эмансипации женщин. Таким образом, власть мужчины-патриарха над женщиной была заменена властью тоталитарного государства над ней. В конце 1930-х гг. Сталин объявил полным и окончательным решение женского вопроса. Миф об эмансипации женщин, усиленно внедряемый пропагандистской машиной в сознание людей, ловко маскировал фактическую сверхэксплуатацию женщин [14].

Американский социолог Н. Додж утверждает, что трудовые успехи советских женщин являются результатом «суровой политики, которая официально провозглашена как освобождение личности женщины» [15].

Если основой повышения социального статуса женщин в городах было участие в промышленном производстве, то в деревне, ауле такой основой явилась коллективизация сельского хозяйства. Были отмечены большие успехи Адыгеи. Н.К. Крупская в статье «О культурной революции» писала: «Особенно показательна Адыгея... В 1930 г. Адыгея стала сплошь колхозной, это дало толчок всей культурной жизни. ... Особенно усердно за работу взялись черкешенки» [16].

Вовлечь адыгскую женщину в колхозное производство было нелегко, так как женщины не участвовали в сельскохозяйственных работах. Исторически сложившееся разделение труда в адыгском семейном хозяйстве возлагало на женщину такие работы, как приготовление пищи, шитье, уход за домашними животными и птицей.

С начала 1930-х гг. вместо женотделов, которые превратились за десятилетие своего существования в массовые, культурно-просветительские, а иногда даже правозащитные организации, были созданы так называемые женсекторы в отделах агитации и пропаганды различных партийных комитетов. Существование женсекторов должно было, по-видимому, показать, что женское движение не отменялось и не демонтировалось официальной властью.

Массовое вовлечение женщин в общественное производство, начатое в 1930-е гг., было фактически порождено необходимостью обеспечить рабочими руками индустриализацию и коллективизацию.

Кавказские женщины оказались в очень сложной обстановке. Вот как пишет об этом З. Налоев: «Окончательно их добила колхозная жизнь, когда отпало разделение труда на мужской и женский, и на плечи женщин лег двойной труд: днем она была вынуждена рядом с мужем работать в поле, а ночью, когда отдыхали мужчины – вести дом, ухаживать за мужем и детьми. При этом чаще всего мужчины получали ордена и медали, а их жены – право гордиться ими» [17].

Безусловно, участие женщин в общественном производстве вне дома, оплачиваемый профессиональный труд – одно из важнейших условий эмансипации, поскольку дает женщине экономическую независимость, способствует развитию чувства уверенности в себе; право на труд – одно из неотъемлемых прав человека. Но труд женщины вне дома может превратиться из важнейшего средства раскрепощения в мощное орудие закабаления. Это происходит тогда, когда человек отчуждается от результатов своего труда, когда труд перестает быть свободным и становится подневольным, рабским трудом за нищенскую зарплату. Именно это и происходило в Советском Союзе.

Признавая многостороннюю деятельность женотделов и соответствующих правительственных структур в государственных и общественных организациях по повышению образованности женщин, ликвидации неграмотности, поднятию культуры в широком смысле слова, то есть повышению гендерного статуса адыгских женщин, нельзя, однако, не заметить, что все культурно-просветительские направления Советского государства, начиная со второй половины 1920-х гг., работали на большевистскую доктрину модернизации страны.

В советское время «традиционная культура горцев как бы ушла в «тень» советской действительности, в своеобразную внутреннюю эмиграцию. Однако определенные заслуги Советской власти перед северокавказскими народами следует отметить. ... Именно на годы социализма приходится «культурная революция» – массовое общее образование и вполне доступное высшее [12].

Проведенный анализ государственных, партийных документов, практической политической деятельности государства и общественных организаций по женскому вопросу в РФ в 1920–1930-е гг. позволяет сделать следующие обобщения и выводы.

В исследуемый период его решение протекало в условиях острой классовой борьбы, хозяйственной разрухи, безработицы, голода и господства старого социально-психологического отношения к женщине.

В тех исторических условиях правительство приняло ряд декретов, направленных на осуществление политического, социального, трудового развития женщин. Они заложили основу юридического и фактического равноправия женщин, трансформации их гендерного

статуса. Однако получение ими по закону права не уничтожило автоматически сложившегося в прежнем общественном строе их фактического неравенства.

В целом же, несмотря на многочисленные ошибки и недочеты государственной политики в 20-30-е годы, деятельность советских, партийных и профсоюзных органов, осуществлявших работу среди женщин, была направлена на воплощение в жизнь идеи о том, что революционное преобразование общества невозможно без широкого участия в нем женщин. Массовое их вовлечение в хозяйственно-экономическую жизнь коренным образом меняет статус женщин в обществе, формирует их облик, потребности и духовный мир, определяет формы жизнедеятельности.

Вопрос повышения гендерного статуса женщин Адыгеи, как и других национальных регионов, рассматривался и решался как проблема социальная и политическая одновременно. Этот процесс проходил сложно, поскольку речь шла о взаимоотношениях полов в обществе и семье.

Осуществление изменения гендерной сферы требовало огромных усилий от местных партийных, советских, общественных организаций для коренного изменения быта, нравов, обычаев, которые укрепились в сознании народа по отношению к женщине, то есть реформами была затронута традиционная этническая культура.

Бурные события начала XX в. в нашей стране совершенно изменили социальный статус адыгских женщин, дали им мощный импульс, подняв к жизни глубинные силы социального прогресса и привели в движение женский фактор в общественном развитии. Но этот процесс обернулся и потерями. Вот что пишет по этому поводу З. Налоев: «Я высоко ценю идею раскрепощения женщин, но не могу не сказать о том, что мы не были готовы к ней, когда ее стали вводить скоростными методами. Общество должно было созреть к такой революции экономически, социально, политически, культурно – не только мужчины, но и женщины. Перескок через исторические звенья развития осложнил процесс, породил проблемы: дело не только в том, что некоторые женщины, которым не хватало ни врожденной, ни приобретенной культуры, эмансипацию поняли как освобождение от этикетных «условностей», как абсолютное равенство с грубым полом. В результате появился женский тип, который я называю фызыхъу – женщина-мужлан. ... Утрата женственности, стыдливости, скромности не возвышает женщину до уровня мужчин, а низводит до их уровня» [17].

Положительные результаты периода 20–30-х гг. не были развиты в последующие десятилетия, а сама идея раскрепощения, эмансипации оказалась в значительной степени дискредитированной. Существование низкостатусных «феминистских» сфер занятости на производстве и дома – таковы индикаторы положения, статуса женщин, которые позволяют сделать вывод о том, что реального решения «женского вопроса» в Адыгее, впрочем как и в целом по России, не произошло.

«Женский вопрос» в 1930-е гг. постигла участь многих других важнейших социальных проблем – он был провозглашен решенным, а стало быть, закрытым для обсуждения.

Схематичный и краткий анализ советского контекста может быть сведен к следующему. Опыт построения идеального и справедливого социума на фундаменте тотальных репрессий оказал катастрофическое воздействие и на взаимоотношения полов. Ликвидация половых различий не была внесена в программу созидания «светлого будущего» наряду со «стиранием граней» между городом и деревней, а также умственными и физическим трудом. Однако само функционирование власти как механизма всеобщего потребления и постоянного собственного воспроизводства имело своим следствием фундаментальное обесмысливание брачно-семейной формы связи полов и низведение ее до социально необходимой и идеологически регулируемой организации.

В целом можно сказать, что за годы строительства социализма гендерная сфера отношений в адыгском социуме, социальный статус адыгских женщин претерпели значительные изменения, имевшие как позитивные, так и негативные последствия. Речь идет прежде всего об изменении социальных ролей мужчин и женщин. На уровне ментального сознания гендерные отношения остались прежними, то есть главенствующая роль принадлежит мужчине, однако фактически женщина давно перестала воспринимать себя как зависимый социальный субъект. Изменение семейных ролей и поведенческих стереотипов в семье привело к явлениям, ранее недопустимым в традиционном кавказском обществе, таким, как гендерное насилие (физическое, моральное, психологическое),

экономический паразитизм мужчин, деградация мужского сознания. Все это отразилось и на воспитании подрастающего поколения. Разрушение традиционных устоев в ходе советской модернизации, с одной стороны, привело к включению женщин в экономическую, политическую, культурную жизнь общества, а с другой – обернулось для них двойной занятостью, ухудшением физического и психического здоровья и со временем – к появлению признаков вырождения и деградации нации, утратой многих составляющих этнической культуры адыгов.

Примечания:

1. Тыкова А.А. Эволюция социального статуса адыгской женщины в обществе. Гендерный подход. Майкоп, 2006. С. 98, 99, 102, 106, 107.
2. Коммунистка. 1920. № 5. С. 4.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения в 1859 г. М., 1962. С. 88.
4. Казанов Х.М. Источник рассвета – братство. Нальчик. 1984. С. 87–88.
5. Адыгейская жизнь. 1927. 7 марта.
6. Текуева М.А. Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества. Дис. ... докт. истор. наук. С. 314.
7. Крестьянка. 1922. № 1–2. С. 1–3.
- 8 Труженица Северного Кавказа. 1925. № 6–7; 1926. № 3.
- 9 Революция и горец. 1930. № 2. С. 52.
10. Коллонтай. А. Семья и коммунистическое государство. М., 1918. С. 11.
11. Кайдаш С. О женской культуре // Феминизм: Восток, Запад и Россия. М., 1998. С. 199.
12. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп, 1997. С. 140, 123.
13. Правда. 1936. 8 марта.
14. Воронина О. Женщины и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1998. С. 220.
15. N.Dodge. Women in the Soviet Economy. Baltimor. 1968. P. 12.
16. Крупская Н. Педагогические сочинения в 10 томах. Т. 9. М., 1960. С. 475.
17. Налоев З. Культ женщины в адыгской традиции // Советская молодежь. 1990. 8 марта.

Сведения об авторе:

Безрукова Анжела Аслановна, преподаватель
Майкопского государственного технологического университета (г. Майкоп).
E-mail: e.a.o@bk.ru

ADYG WOMAN SOCIAL STATUS UNDER SOVIET MODERNIZATION PERIOD

BEZRUKOVA A.A.

The article is focused on Adyg woman social status under socialist transformations, North Caucasus society traditional lifestyle change during Soviet modernization period, positive and negative results of Bolshevik politics of «mountain women's emancipation».

Keywords: social status, traditional culture, modernization, gender order.

UDC 93